

*Посвящается Мадделене
и Сильвии Миссироли*

Заблуждения — вот что позволяет
нам жить дальше¹.

*ФИЛИП РОТ.
Американская пастораль*

¹ Пер. В. Кобец.

— Твоя жена следила за мной.

— Моя жена?

— До самого университета. — София посмотрела на него. — Профессор?

Он уставился на дверь аудитории.

— Кажется, она на улице.

Карло Пентекосте подошел к окну и сразу же узнал амарантовое пальто Маргериты — она носила его буквально со второго дня весны. Его жена сидела на каменном парапете и читала — все тот же томик Немировски, — скрестив ноги и придерживая свободной рукой рюкзак. Стояли последние мартовские дни, и весь Милан ни с того ни с сего окутало туманной дымкой.

Карло обернулся к студентам. София усаживалась и раскладывала вещи, блокнот и миндальные орешки во втором ряду. Благодаря тонким чертам и плавным движениям, смягчавшим выступающую линию бедер, она выглядела моложе своих двадцати двух лет. Сейчас она смотрела на него так же пытливо, как в кабинете ректора, куда их вызвали после того, как первокурсница застала их в женском туалете на первом этаже: он склонился над ней и ласкал то ли шею, то ли что-то

еще — первокурсница пугалась в версиях. Этого вполне хватило, чтобы по университету поползли слухи, будто у профессора Пентекосте интрижка с одной из студенток.

Забыв о лекции, он накинул куртку и спустился по лестнице. Замешкался в вестибюле и вернулся в туалет. Он заходил сюда, чтобы все объяснить сначала коллеге, а потом и ректору. И каждому дотошно показывал, как произошло то, что он окрестил недоразумением: вот он вошел в мужской туалет, помочился, вышел из кабинки, ополоснул руки и лицо, воспользовался сушилкой, и тут из женского туалета донесся грохот падающего тела. Дверь на женскую половину была приоткрыта, и он увидел свою студентку Софию Казадеи практически без чувств — что он подразумевал под «практически»? Склонившись над ней, он несколько раз позвал ее по имени, потом помог сесть, а затем и встать — тут он показал ректору, как именно, — ненадолго прислонив ее к стене в углу. Это длилось пару минут, не больше, потом девушка пришла в себя, и он помог ей умыться: первокурсницу он даже не заметил.

Прежде чем подойти к жене, он остановился и проверил мобильник: Маргерита не предупредила, что собирается зайти. Она все еще читала на парапете, когда он к ней подошел.

— Твое пальто видно за километр, — сказал он, кивнув на окно аудитории.

— Да вот, решила дать передышку сухожилию. Я как раз собиралась к тебе. — Захлопнув книгу,

она поднялась. — Ты забыл это, — сказала она, протягивая флакон.

— Ты принесла мне лекарство от аллергии?

— Мне хватило твоего приступа на прошлой неделе.

— Не стоило так нагружать ногу.

— Я приехала на метро, — уточнила она, расправив капюшон его куртки. — На твоём месте сегодня я проводила бы занятия на улице. В тумане есть своя прелесть.

— Кто же меня тут будет слушать? — Он обнял её за талию, как в день их первого знакомства, на ужине у сестры. Изгиб поясицы наводил на мысль о подтянутом теле. — Поднимешься? Мне пора начинать.

Маргерита обожала его руки, так непохожие на руки преподавателя. Он помог ей надеть рюкзак, и они вместе направились ко входу.

— Ты правда пришла сюда только ради...

— Я пришла, потому что пришла. — Кивнув на часы, она сделала ему знак поторапливаться.

Улыбнувшись, он зашел внутрь.

Как только силуэт Карло растаял на лестнице, Маргерита с поникшим видом прислонилась к стеклянной двери. Почему у нее не хватило смелости подняться с ним в аудиторию? Почему у нее кишка тонка, как говаривала мать, зайти внутрь и пройти в *тот* туалет? Почему сейчас ее трясло? Ей хотелось задержаться, однако усилием воли она заставила себя отойти от двери, вышла за ворота и застегнула пальто. Остановив-

шись, она зажмурилась и попыталась зацепиться мыслями хоть за что-нибудь, чтобы не впасть в отчаяние: вспомнила о предстоящих пятидесяти минутах и ощутила себя другой. Другой, интригующей. А вспомнила она о записи «Физиотерапия» в еженедельнике, в перспективе сулившей приключение. Она это чувствовала и лелеяла в себе это средство от неуверенности, пока шла от университета к остановке такси. Нога беспокоила ее с самого утра. Зарождаясь в области лобка, боль растекалась почти до колена — это началось после пробежки в тренажерном зале три месяца назад. С тех пор пришлось пересмотреть свои привычки, и это отнюдь не доставляло ей радости: сменить каблуки на кроссовки, отказаться от осмотра квартир в домах без лифта, не бегать за детьми.

Достав телефон, Маргерита увидела сообщение от хозяйки квартиры на корсо Конкордия: *«Дорогая Маргерита, я все подписала, теперь дело за вами»*, — и от сотрудницы: *«Ключи у нас, можем выставлять на продажу»*. Был и пропущенный звонок от мамы. Она не перезвонила и так и стояла с телефоном в руке: в этот раз сдержавшись и не зайдя в «Фейсбук». Всякий раз, когда перед глазами возникала страничка Софии Казадеи, в голову лезли странные образы: кафе, где та работала, бар, в котором завтракала по утрам, район, в котором жила, — вот бы там побродить. Когда подошла ее очередь, она назвала таксисту адрес «ФизиоЛаб» на виа Капуччини, 6, откинулась на

сиденье и закрыла глаза. Таксист предупредил, что придется объехать дорожные работы, Маргерита согласилась и перестала думать о чем бы то ни было. Иногда она поглядывала на мелькавший за окном город с его переполненными тротуарами и консержками в парадных. Затем вспомнила о пропущенном вызове и перезвонила.

— Мама?

— Я как раз собиралась звонить сантехнику.

— Что случилось?

— Все этот, — она набрала побольше воздуха, — этот хренов бойлер!

— Кстати, здравствуй.

— Люблю я крепкое словцо, но твой отец говорил, что мат не для женского рта, — и умолкла. — Я звонила, чтобы спросить, что там с квартирой на корсо Конкордиа.

— Мне только что ответили.

— Ну и как тебе?

— Там нет лифта, но в целом очень интересный вариант. Я свожу туда Карло, прежде чем выставлять ее в агентстве.

— А как нога?

— Что ты делаешь, когда тебя мучают подозрения?

— Я так и знала, что ты плохо себя чувствуешь.

— Что ты обычно делаешь в таких случаях?

— Какие именно подозрения?

— Просто подозрения.

— Подозрения — это улика.

— Мама, это же не «Один день в суде»!

— Это жизнь, моя девочка. Ты ничего не хочешь мне рассказать? — нерешительно добавила она.

— Я уже приехала. Пока.

— Доченька, — ее голос просветлел, — обо всех своих подозрениях ты сможешь поговорить завтра.

— Черт, только не это!

Мама фыркнула:

— Ты уже полгода собираешься, я с таким трудом выбила для тебя время: 10:30, виа Виджевано, 18, кнопка F.

— Напомни, как тебе удалось меня на это уговорить?

— Туда ходил Дино Буццати. Заруби себе это на носу.

— А ты заруби себе на носу, что скоро день рождения моей свекрови.

— Я не пойду.

— Еще как пойдешь!

— Нет. А вот ты, как будет желание, забегай навестить свою мать.

После папиных похорон мама, не сомкнув глаз, три дня просидела в кресле, где он обычно читал по воскресеньям газету. Затем задалась вопросом: «Ну и для кого мне теперь готовить?» Некоторое время она избегала разговоров о человеке, который приучил ее к привычному распорядку, воскресным базарчикам, «Тексу Виллеру¹» и сдер-

¹ Текс Виллер — главный герой итальянского комикса «Текс».

жанности. Он любил тишину, и чтобы заглушить горечь утраты, Маргерите с матерью пришлось наполнить квартиру шумом: препираться по пустякам, звонить друг другу, не унывать.

Расплатившись с таксистом, Маргерита вышла напротив здания «ФизиоЛаб». Она вся раскраснелась от нетерпения. Открыла рюкзак и проверила, на месте ли купальник, гель для душа, полотенце и расческа. Назвав свое имя администратору, Маргерита прошла в раздевалку и натянула под шорты купальник — ей пришлось купить новый, как только она узнала, в чем состоит лечение, — завязала волосы и, прихватив телефон с наушниками, вышла из раздевалки с мыслью, что в последний раз ее косметолог сделала свою работу кое-как. Взяла бутылку воды — подарок центра — и прошла в реабилитационный зал. Пунктуальный Андреа был уже на месте. Пожав ей руку, поинтересовался, как нога, она по привычке ответила, что по-разному. Глухо стукнула перегородка, и она внутренне приготовилась к очередному сеансу в этом закутке наедине с серьезным двадцатилетним парнем, который пытался вылечить ее от почти хронического воспаления. Он махнул рукой в сторону кушетки, Маргерита коснулась пояса и посмотрела на Андреа, после его утвердительного кивка сняла шорты. Физиотерапевт взял прибор, приложил к внутренней поверхности бедра, поднялся к паху и прошелся по лобку с умеренной силой. Во время процедуры Маргерита обычно впивалась взглядом

в край перегородки и старалась медленно дышать. Этого десятиминутного разогрева — так он это называл — ей как раз хватало, чтобы преодолеть смущение. Затем она расслаблялась. Твердость Андреа, его умелые руки и опущенный взгляд успокаивали ее. Она тоже смотрела в сторону, за исключением момента, когда он — как сейчас — откладывал прибор и задирал еще выше ее купальник: тогда Маргерита принималась искать в нем хоть малейшие признаки возбуждения, выходящие за рамки врачебной этики. Она пыталась уловить неуверенность в движениях его пальцев, ощупывающих лобок в поисках сухожилия. Большим, средним, иногда указательным пальцем он надавливал, будто нащупывал почву. На первом сеансе он подробно объяснил, как будет проходить лечение: снятие воспалительного процесса медицинскими приборами, лечебный массаж и комплекс упражнений в тренажерном зале. Потребуется двадцать пять сеансов, не считая контрольных осмотров и УЗИ, итого — две тысячи восьмьсот двадцать евро. Она не могла или почти не могла себе этого позволить, поэтому попробовала было обратиться в городскую поликлинику, однако, отупев от сидения в очередях, пошла на сделку с совестью и остановилась на том, что ее отец назвал бы вариантом *попроще*. Проще было отвалить три тысячи за сиделку-физиотерапевта, проще было, не блистая в школе, подарить себе

Interrail¹, проще было с мозгами архитектора довольствоваться местом агента по недвижимости. Проще, вероятно, было принять терапевтические манипуляции за похоть.

И теперь, когда физиотерапевт касался ее с нужной силой в почти запретном месте, и она вот-вот собиралась сказать, где притаилась болевая точка, Маргерита вдруг вспомнила: муж, дверь туалета, здание университета под номером 5, первый этаж, женский туалет. Вот где притаилась *болевая точка*, не дававшая ей покоя вот уже два месяца. Увильнув, по привычке последних недель, от досаждавшей ей мысли, она решила взглянуть на это с другой стороны. Она — внимательная и заботливая дочь? А могла бы быть куда менее заботливой. Она — агент по недвижимости, не тративший время попусту между осмотрами объектов? А могла бы и тратить. Она — пациентка, которая не поддается соблазну трех опытных пальцев? А могла бы и поддаться. Всякий раз, вспоминая о том туалете, она *могла* отвлечься от подозрений, направив мысли в иное русло.

Андреа спросил, болит ли там, где он массирует. Чтобы воплотить фантазии в жизнь, стоило только произнести: немного правее. Помассировав правее, Андреа довел бы ее до оргазма, святые небеса. Однако она ответила:

— Немного левее.

¹ «Интеррейл» — безлимитный билет на проезд между странами Европейского союза.